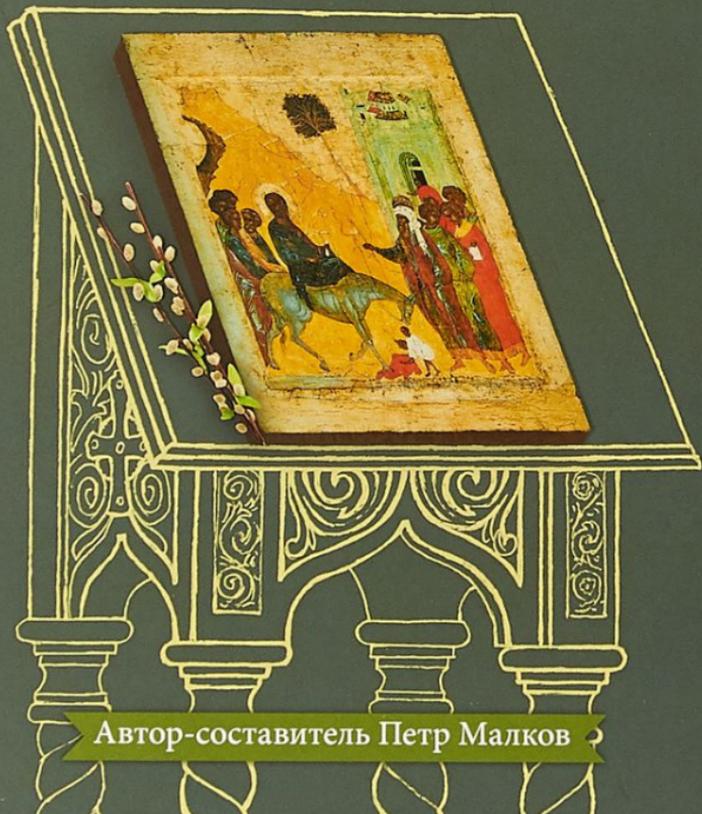

СВЯТЫЕ ОТЦЫ

О ЦЕРКОВНЫХ ПРАЗДНИКАХ

Воскрешение Лазаря и Вход Господень в Иерусалим

Автор-составитель Петр Малков

Антология
Петр Юрьевич Малков
Воскрешение Лазаря
и Вход Господень в
Иерусалим. Антология
святоотеческих проповедей
Серия «Святые отцы о
церковных праздниках»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35479094
Воскрешение Лазаря и Вход Господень в Иерусалим. Антология
святоотеческих проповедей: Никея; М.; 2018
ISBN 978-5-91761-840-1

Аннотация

Антология святоотеческих творений на воскрешение Лазаря и на Вход Господень в Иерусалим включает произведения разных традиций и эпох, византийских, латинских и русских авторов – от преподобного Ефрема Сирина до святителя Луки Крымского. Издание предваряет вводная статья П. Ю. Малкова, призванная в ясной и доступной форме познакомить читателя с важнейшими

богословскими и нравственными особенностями святоотеческого учения о духовном и нравственном значении этих евангельских событий.

Содержание

Петр Малков	6
Две весны	6
Участники события воскрешения Лазаря:	10
Марфа, Мария и Лазарь	
Чудо воскрешения Лазаря	16
Событие Входа Господня в Иерусалим	19
Церковное празднование воскрешения Лазаря	23
и Входа Господня в Иерусалим	
Святоотеческие проповеди на воскрешение	28
Лазаря и на Вход Господень в Иерусалим	
Победа Христа над адом и чудо воскрешения	33
Лазаря: взаимосвязь событий	
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Сборник
Воскрешение Лазаря
и Вход Господень в
Иерусалим. Антология
святоотеческих проповедей**

© ООО ТД «Никея», 2018

Петр Малков
«Все встретим Царя царей»:
святоотеческие проповеди
на воскресение Лазаря и на
Вход Господень в Иерусалим

Две весны

Обычно в дни Лазаревой субботы и Входа Господня в Иерусалим еще лежит снег. Если Пасха поздняя, то это похлывший, посеревший снежок, смерзшийся в твердую ледяную корку, сильно осевший перед лицом грядущего тепла. Если же Пасха по церковному календарю празднуется достаточно рано, то это пушистый и мягкий глубокий снег, еще и не думающий стаивать с земли. И все же, независимо от месяца, от погоды, от даты празднования Пасхи, в день Входа Господня в наших храмах появляются первые знаки наступившей весны – найденные и сорванные по речным оврагам, по лесным опушкам веточки распутившейся вербы. Ее набухшие пушистые почки говорят нам, что для Церкви теперь настает какое-то особое, новое время. Что грядет не только та весна, в которую тает снег, прорастает первая трава, с юга

прилетают птицы, возрождается и воскресает после долгого зимнего сна природа, но и близится та духовная весна, в которую возрождается и воскресает к жизни наша собственная душа – вместе с главным праздником Православной Церкви – Пасхой Воскресения Христова.

Но сегодня до Пасхи еще целая неделя, впереди строгая и молитвенная Страстная седмица – время непрекращающихся богослужений, воспоминание мучительных страданий Господа. И все же радость этой духовной пасхальной весны нами уже предощущается, угадывается, как хорошо угадывается в эти еще очень холодные дни – благодаря распутившимся вербам – и весна календарная.

Наступает новое удивительное время. И начало ему в церковном сознании полагает Лазарева суббота: воспоминание самого поразительного чуда из всех тех многочисленных чудотворений, что совершил в Своей земной жизни Господь Иисус Христос, – празднование воскрешения четверодневно-го Лазаря. А на следующий – воскресный – день Церковь уже молитвенно предстоит иному важнейшему евангельскому событию: торжественному, царственному, но и смиренному входу Господа в пределы Иерусалима. Он вступает сюда, радостно приветствуемый толпами народа, прознавшего о чуде воскрешения Лазаря. И в то же время входит сюда для того, чтобы лишь немного спустя оказаться осужденным этим ныне ликующим народом на смерть.

Для многих удивительно, что священники в наших хра-

мах поздравляют нас на Лазареву субботу и в Вербное воскресенье с завершением Великого поста. Казалось бы, пост еще длится и длится, до его окончания целая неделя, Пасха лишь через семь дней. А они говорят нам, что Великий пост уже завершился! Но дело здесь в том, что дни двух этих праздников – Лазаревой субботы и Вербного воскресенья, а также Страстной седмицы осознанно и принципиально выносятся Церковью как бы за скобки периода Великого поста. Церковь рассматривает Лазареву субботу и Вербное воскресенье как абсолютно новую, даже в отношении Великого поста, точку отсчета: как начало страшного и смертоносного конца – восхождения Господа на Крест и в то же время как исток ликующей вечной жизни, которая победит собою ад и смерть вместе с восстанием Христа из Гроба в Его Воскресении. Наступающая Страстная седмица – это, в сравнении с Великим постом, абсолютно иной, отдельный и уникальный период жизни Церкви. Ведь, как мы постигаем из евангельской истории, события Страстной седмицы – это особое время явления предельных печали и надежды, страданий и упования, жестокости и милосердия, греха и покаяния, предательства и верности, ненависти и любви. Все самое великое и самое низкое в человеке раскрывается перед нами в этих событиях священной истории.

Символом новой духовной весны, обновленной жизни, пробивающейся и наступающей после холода затянувшейся зимы греха, как раз и являются те распустившиеся после

долгих зимних месяцев вербы, которые мы приносим в наши храмы. Эти раскрывшиеся и зеленеющие вербы окропляются здесь святой водой и освящаются с особой молитвой: как даруемое всем нам в дни Лазаревой субботы и Входа Господня в Иерусалим благословение вскоре причаститься уже открывающейся и процветающей духовной весне Пасхи Христовой.

Участники события воскресения Лазаря: Марфа, Мария и Лазарь

Мы можем с легкостью назвать тех из находившихся рядом со Христом в дни Его земного служения, следовавших за Ним, слушавших Его слово, кто были Ему особенно дороги, близки к Нему. В первую очередь это Его Пречистая Мать, Богородица и Приснодева Мария. Разумеется, это апостолы Спасителя. Но даже среди апостолов выделялся лишь один самый любимый ученик Христа – Иоанн Богослов. В ряду таких близких ко Господу людей нам, конечно же, следует назвать и друга Спасителя Лазаря, а также двух его сестер, Марфу и Марию. Лазаря Господь прямо именует *другом* (см. Ин. 11: 11); в евангельском тексте также ясно утверждается – и устами сестер Лазаря, и даже устами иудеев, – что Господь его *любил* (см. Ин. 11: 3, 36).

Господь неоднократно бывал в доме Лазаря, Марфы и Марии, находившемся в Вифании, неподалеку от Иерусалима. Известен эпизод, описанный в Евангелии от Луки и повествующий о том, как Марфа и Мария, принимая у себя однажды Господа, проявили себя очень по-разному – в отношении заботы о Христе и в слушании Его наставлений: *В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала сло-*

во Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее (Лк. 10: 38–42). Обычно истолкователи Евангелия, поясняя духовное значение этого эпизода, подчеркивают, что Марфа и Мария явили здесь два основных образа и пути христианской жизни. Так, по мысли блаженного Феофилакта Болгарского, Марфа здесь знаменует деятельную добродетель, активность христианского служения Богу и ближнему, а Мария – внутреннее созерцание, молитвенный подвиг, духовное предстояние Господу. Оба эти образа христианской жизни подлинно высоки, однако молитвенный подвиг все же выше. Блаженный Феофилакт в своем «Толковании на Евангелие от Луки» пишет об этом так: «Пожалуй, разумеи под Марфой деятельную добродетель, а под Марией – созерцание. Деятельная добродетель имеет отвращения и беспокойства, а созерцание, став господином над страстями (ибо имя Мария значит госпожа), упражняется в одном рассмотрении Божественных изречений и судеб... Итак, если ты можешь, восходи на степень Марии чрез господство над страстями и стремление к созерцанию. Если же это невозможно для тебя, будь Марфой, прилежи деятельной стороне и через то принимай Христа... Приметь сии слова: *которая не отнимется*

у нее (Лк. 10: 42). Подвизающийся в делах имеет нечто такое, что отнимается у него, то есть заботы и отвлечение... А подвизающийся в созерцании никогда не лишается этой благой части, то есть созерцания. Ибо в чем еще он будет преуспевать, когда уже достиг самого высшего, разумею, созерцания Бога, что равно обожению? Ибо кто удостоился зреть Бога, тот становится богом, так как подобное объемлется подобным».

Вот как высоко ставится церковной традицией подвиг молитвенного духовного созерцания! Ведь он возводит человека до состояния предельного уподобления Господу, до достижения христианского совершенства, до стяжания дара обожения – как приобретения небесной жизни в Боге. На эту духовную высоту восходила Мария, неотступно пребывая со Христом – пришедшим в ее скромное жилище Богом.

Но и Марфа, с любовью служа Христу, заботясь о Нем, будучи к Нему искренне, чисто и сердечно привязана, также достигла немалой высоты христианского совершенства и искренней веры в Него как в Спасителя. Именно эта вера во Христа и Христу поможет ей затем – в дни будущего оплакивания Лазаря – первой выбежать к Нему навстречу и искренне исповедовать Господа не просто учителем, чудотворцем или другом, но Сыном Божиим.

Еще один эпизод, о котором следует вспомнить, говоря о Лазаре, Марфе и Марии, связан с торжественной трапезой в доме Лазаря, последовавшей за чудом его воскрешения;

это событие непосредственно предварило Вход Господень в Иерусалим. Вот как об этом повествуется в Евангелии от Иоанна: *За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел [при себе денежный] ящик и носил, что туда опускали. Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда* (Ин. 12: 1–8).

С одной стороны, этот поступок Марии являет нам ее жертвенность и любовь ко Христу, а с другой – по сути, представляет собой совершенное ею пророчество. Марии, как достигшей подлинных духовных высот богопознания и богообщения, здесь открывается: Господь вскоре будет распят, умрет и окажется погребен. Такая полнота достигнутого ею во Христе совершенства богоподобия поразительным образом делает для нее явной и зримой тайну близящегося Креста...

Каковы же были судьбы Марфы и Марии после Распятия и

Воскресения Спасителя? Мы не знаем об этом ничего... Известно лишь, что Церковь причисляет их к женам-мироносицам. Они – в числе прочих женщин – готовили к погребению умершего Господа, а затем стали свидетельницами Его победы над смертью.

Брат Марфы и Марии Лазарь, которого воскресил накануне Своего Входа в Иерусалим Господь, так же, как и его сестры, упоминается в Евангелии неоднократно. Важно подчеркнуть, что его удивительное воскрешение стало одной из основных причин ареста Спасителя, суда над Ним и Его казни. Именно воскрешение Лазаря – заставившее уверовать во Христа как свидетелей этого чуда, так и услышавших о нем многочисленных жителей Иерусалима – вызвало особую злобу у врагов Христа, желание покончить с Ним, предать Его смерти. В Евангелии от Иоанна говорится, что когда Господь трапезничал в доме воскрешенного Им Лазаря, *многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых. Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради него многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса* (Ин. 12: 9-11). Итак, Христос сделался известен всему Иерусалиму именно благодаря чуду воскрешения Лазаря. С этим чудом оказалась связана и та торжественная встреча Христа жителями города, что сопровождала вход Господа в Иерусалим. Как говорится в Евангелии, *народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба*

Лазаря и воскресил его из мертвых. Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо (Ин. 12: 17–18).

Какова же была последующая судьба Лазаря? Известно, что, несмотря на желание первосвященников убить его, Лазарь остался в живых. В дальнейшем он оказался на Кипре и был рукоположен во епископа Китийского проповедовавшими на острове апостолами Павлом и Варнавой. Также существует предание, что на Кипре Лазаря посетила Пресвятая Богородица, вместе с сопровождавшим Ее апостолом Иоанном Богословом. Ради этой встречи Лазарь прислал с Кипра за Пречистой Девой корабль. На Кипре Лазарь и почил, прожив после своего восстания из мертвых еще много лет: по одним житийным свидетельствам – восемнадцать, а по другим – тридцать.

Чудо воскрешения Лазаря

Главным евангельским эпизодом, изображающим Лазаря и двух его сестер, Марфу и Марию, является описанное апостолом Иоанном Богословом чудо воскрешения Лазаря. В евангельском тексте повествование об этом чуде занимает почти что целую (11-ю) главу.

Неподалеку от Иерусалима в селении Вифания жил вместе со своими сестрами друг Христа Лазарь. Он тяжело заболел, и сестры послали известить об этом Иисуса. В то время Господь находился достаточно далеко от столицы – за Иорданом. Однако, получив известие о болезни друга, Иисус не торопился к нему идти. Более того: Он специально дожидался кончины Лазаря. И лишь когда Лазарь умер, Христос с учениками отправился наконец в путь. При этом Он сказал апостолам: *Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдём к нему* (Ин. 11: 14–15). Почему же Господь говорит, что радуется за апостолов? Потому что именно благодаря смерти Лазаря апостолы вскоре станут свидетелями воскрешения четверодневного мертвеца – удивительного чуда, призванного укрепить их слабую веру.

Когда Господь пришел в Вифанию, Лазарь уже четыре дня находился во гробе: по обычаю он был похоронен в пещере. Христос сначала встретился с Марфой, которая горячо исповедовала свою веру в Его всемогущество и в то, что Он

воистину Сын Божий. Затем она призвала свою сестру Марию, которая в ответ на зов поспешила навстречу Христу. Обе они выразили уверенность, что если бы Христос был в Вифании во время болезни Лазаря, то не дал бы ему умереть.

Вместе с Марией к могиле пришли и многие из иудеев. Все плакали над гробом, и Христос заплакал вместе с ними. Затем, как повествует Евангелие, Он подошел ко гробу и сказал: *отнимите камень* (вход в пещеру загораживал большой валун). *Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня. Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет* (Ин. 11: 39–44).

С одной стороны, это событие зримо явило всем подлинное могущество Христа, Его власть над тлением и смертью; для христиан оно стало залогом того, что Бог способен воскресить не только Лазаря, но – после Своего Второго Пришествия – и всех умерших. С другой стороны, это чудо прямо связано и с последующими страданиями и смертью Самого

Иисуса, ибо, как уже говорилось ранее, именно оно, по свидетельству Евангелия от Иоанна, послужило к еще большему озлоблению иудейских первосвященников и старейшин против Христа, их решимости казнить Его (см. Ин. 11: 46–57). Вместе с тем чудо воскрешения Лазаря предваряет собой Воскресение Самого Христа, как бы являясь его прообразом, преддверием, залогом.

Событие Входа Господня в Иерусалим

По мысли евангелиста Матфея, а вслед за ним и древних церковных толкователей, в день Входа Господня в Иерусалим исполнилось ветхозаветное пророчество об образе явления миру ожидаемого Мессии. Вот что говорит пророк Захария: *Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9: 9). Такое странное на первый взгляд событие – торжественный вход Царя не на коне, а именно на осле, объясняется древним обычаем: цари ездили на осле для того, чтобы показать, что они не желают войны. Осел представлялся животным, символизирующим состояние мира; поэтому и Христос въезжает в Иерусалим на осле, знаменуя тем самым, что Он будет царствовать не силой оружия, но Духом Господним. Именно так вступал в Иерусалим и один из древних царей Израиля – Соломон, чтобы принять здесь помазание на царство (см. 3 Цар. 1: 32–40).

Итак, пророчество Захарии нашло свое исполнение в Новом Завете – в событии Входа Господня в Иерусалим. Об этом повествуют все четыре евангелиста (Мф. 21: 1-11; Мк. 11: 1-11; Лк. 19: 29–44; Ин. 12: 12–19).

Вот как описывает это событие евангелист Матфей: *И ко-*

гда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне. И если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их... Ученики пошли, и поступили так, как повелел им Иисус. Привели ослицу и молодого осла, и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их. Множество же народа постилали свои одежды по дороге; а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге. Народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна (то есть «спасение» или «спаси нас» – возглас, которым евреи приветствовали царей) сыну Давидову! благословен Грядущий (слово это понималось как мессианский титул) во имя Господне! Осанна в вышних! И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского (Мф. 21: 1–4, 6-11).

Праздник Входа Господня в Иерусалим посвящен последним дням земной жизни Спасителя. Вскоре после чуда воскрешения Лазаря Царь мира – как Властитель, приходящий к Своим подданным с миром, – въезжает в Иерусалим на молодом осленке (см. Мк. 11: 7; Лк. 19: 35), сопровождаемом подъяремной ослицей. По мысли толкователей, подъяремная ослица здесь – символ евреев, находящихся под ярмом закона, а необъезженный осленок – символ еще не просве-

ценных язычников; Господь же пришел воцариться над теми и над другими. Навстречу Ему выходят толпы людей, наслышанных о Его удивительных чудесах, в первую очередь – о воскрешении Им Лазаря, а также о Его вдохновенных проповедях. Жители города бросают под копыта ослика – в знак уважения ко Христу, в знак своего преклонения перед Ним – собственные одежды, они радостно размахивают зелеными ветвями финиковых пальм (символ которых – наши северные православные вербы, приносимые в день праздника в храмы и окропляемые здесь святой водой), они возглашают Ему славословия. Люди встречают Иисуса Христа – как Царя и как Мессию. Однако христиане всегда помнят, как тот же самый народ, что в час Входа Господня в Иерусалим встречал Его с такой радостью и с такими великими почестями, всего несколько дней спустя в ярости кричал, обращаясь к римскому своему правителю Понтию Пилату: *распни, распни Его* (Лк. 23: 21). Ныне каждый христианин, наученный горьким опытом предательства иерусалимских жителей по отношению ко Христу, должен стремиться к тому, чтобы не оказаться в том же положении, что и древние иудеи. Ведь каждый приходящий в этот день в храм и воздающий в нем хвалу Богу может тут же вновь предать Его на страдание и смерть: и не обязательно через прямое отречение от Него – просто через свой грех, неблагоприятный поступок, проявление личной ненависти к ближнему Христианин, обладающий подлинным покаянным чувством, согрешая, всякий раз

ощущает себя распинателем Христа, вновь и вновь причиняющим Ему мучения.

Вход в Иерусалим знаменует близость победы над смертью и грехом, исполнение обетований Божиих всем верующим в Него. Одновременно этот праздник являет собой и начало конца столь краткой земной жизни Спасителя, а значит – и завершения многовекового пути человеческого рода к спасению во Христе. Конечно же, христиане помнят, что торжественный Вход Господень в Иерусалим предваряет собой смерть Иисуса, Его распятие. И тем не менее радость этого дня дарует им твердый залог скорого наступления пасхального торжества.

Церковное празднование воскрешения Лазаря и Входа Господня в Иерусалим

Церковное богослужебное прославление воскрешения Лазаря происходит в шестую субботу Великого поста, именуемую Лазаревой субботой. Праздник же Входа Господня в Иерусалим, в просторечье называемый еще и Вербным воскресеньем, совершается за неделю до Пасхи. Он относится к числу Господских двенадесятых праздников.

Время возникновения и распространения в Православной Церкви обычая праздновать Лазареву субботу – IV–V века. Первоначально торжественней всего этот праздник отмечался в Иерусалиме. В Древней Церкви в день Лазаревой субботы совершались массовые крещения христиан. Известно, что в первые века крестили не каждый день, а именно в важнейшие праздники; одним из них была Лазарева суббота.

Впрочем, поначалу в ряде поместных Церквей (например, в Константинополе) Лазарева суббота также называлась «пальмовой»: тем самым здесь совершалось богослужебное воспоминание и прославление сразу двух событий священной евангельской истории – воскрешения Лазаря и Входа Господня в Иерусалим, продолжавшееся и на следующий – воскресный день. Тесные сюжетная и духовная связи этих

двух событий всегда способствовали предельному их сближению, соединяли друг с другом в православном сознании, в том числе объединяя их и в церковном календаре, в богослужебной практике. Мы и сегодня хорошо ощущаем древнюю неразрывную связь двух этих богослужебных торжеств – в том числе и благодаря тому, что они имеют единый совместный *тропарь* (главное богослужебное песнопение обоих праздников): «Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже...» Вместе с тем в Церкви все же сложилась повсеместная практика совершать два эти церковные торжества отдельно в предшествующие пасхальным торжествам субботу и воскресенье. Вероятно, церковное воспоминание воскрешения Лазаря непосредственно перед богослужением Входа Господня в Иерусалим, накануне, впервые получило распространение в Александрии.

Праздник Входа Господня в Иерусалим также возникает и распространяется в IV–V веках. Подобно воспоминанию воскрешения Лазаря, он наиболее торжественно отмечался в Иерусалимской Церкви (свидетельство об этом мы находим, в частности, в описании паломничества Эгерии в Иерусалим). Тогда в вечернее время духовенством и верующими жителями Иерусалима совершалось многолюдное шествие с пальмовыми ветвями по улицам города – от Елеонской горы к храму Воскресения. Во главе процессии ехал, восседая на ослике, епископ – во образ Спасителя.

Подобные шествия, но уже много позднее, совершались на праздник Входа Господня и в Константинополе: патриарх во главе православного народа торжественно ехал из храма Сорока Севастийских мучеников в храм святой Софии на жеребце. Верующие несли в руках ветви финиковых пальм, маслин, а также металлические кресты.

Сходным образом празднество Входа в Иерусалим торжественно совершалось в XVI–XVII веках и на Руси, в Москве. Перед литургией из Успенского собора Московского Кремля через Спасские ворота шел крестный ход. Все направлялись к храму Покрова «на Рву» (более известного ныне как храм Василия Блаженного) – для моления на Лобном месте. В процессии – наравне с хоругвями и иконами – возили украшенное цветами и плодами дерево. Патриарх сидел на осле, которого вел за уздечку сам царь. По возвращении к Успенскому собору украшенное плодами дерево передавалось народу – для угощения. В конце XVII века этот обычай исчез.

Важнейшими текстами церковной службы Лазаревой субботы и Входа Господня в Иерусалим являются их тропари и кондаки. Как говорилось выше, неразрывная духовная и богослужбная связь между двумя праздниками лишней раз подтверждается тем, что оба они имеют один общий праздничный *тропарь*: «Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже, темже и мы, яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе, Победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен

Грядый во имя Господне». Русский перевод тропаря: «Уверая, что будет общее воскресение мертвых, Ты воскресил Лазаря прежде Твоих страданий, Христе Боже. Поэтому мы, подобно детям, нося знамение победы (то есть подобно тем детям, что держали знамение победы – пальмовые ветви), восклицаем Тебе, Победителю смерти: осанна в вышних, благословен Идущий во имя Господне».

Праздник Входа Господня в Иерусалим имеет еще один *тропарь*, не связанный по смыслу с Лазаревой субботой: «Спогребшися Тебе крещением, Христе Боже наш, бессмертная жизни сподобихомся Воскресением Твоим, и воспевающе зовем: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне». Перевод второго тропаря: «Спогребаясь с Тобой в крещении, Христе Боже наш, мы через Твое Воскресение сподобились бессмертной жизни и в песни восклицаем: осанна в вышних, благословен Идущий во имя Господне». В этом тропаре проводится распространенная в христианском богословии параллель между Смертью и Воскресением Иисуса и крещением уверовавшего в Него и присоединяющегося к Церкви человека. Крещение понимается здесь как со-распятие со Христом, со-умирание с Ним, а значит, и со-воскресение с Господом для вечной, бессмертной жизни в Боге.

Кондак Лазаревой субботы: «Всех радость Христос, Истина, Свет, Живот и мира Воскресение, сущим на земли явися Своею благодатию, и бысть образ воскресения, всем подая

Божественное оставление». Русский перевод кондака: «Христос, всем Радость, Истина, Свет, Жизнь миру, Воскресение, на земле живущим явился по Своей благодати и стал образом воскресения, всем подавая Божественное прощение».

Кондак праздника Входа Господня в Иерусалим: «На престоле на небеси, на жребяти на земли носимый, Христе Боже, ангелов хваление, и детей воспевание приял еси зовущих Ти: благословен еси Грядый Адама воззвати». Русский перевод кондака: «Восседая на небесном престоле, шествуя по земле на молодом осле, Ты, Христе Боже, принял хвалу от ангелов и прославление от детей, восклицавших Тебе: благословен Ты, Идущий призвать к Себе Адама».

Святоотеческие проповеди на воскрешение Лазаря и на Вход Господень в Иерусалим

Праздникам воскрешения Лазаря и Входа Господня в Иерусалим посвящен целый ряд замечательных и богословски глубоких святоотеческих проповедей, раскрывающих перед нами духовное значение двух этих событий священной евангельской истории.

Сохранившиеся святоотеческие гомилии на оба праздника достаточно многочисленны. Впрочем, многие из них, приписываемые авторству того или иного святого отца, все же должны быть отнесены к разряду *spuria*, то есть не принадлежащих на самом деле этим авторам. Так, например, казалось бы, древнейшая из дошедших до нас гомилий на Вход Господень в Иерусалим, приписывавшаяся авторству священномученика Мефодия Олимпийского (ум. ок. 311 года), на самом деле создана не им, а произнесена много позднее – уже в византийскую эпоху. Среди подобных ярких гомилий, хотя и весьма глубоких по своему богословскому содержанию, но вместе с тем лишь приписываемых авторству тех или иных святых отцов Древней Церкви, – проповеди, фигурирующие под именами святителей Афанасия Великого, Епифания Кипрского, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиолан-

ского, блаженного Августина и целого ряда иных восточных и западных авторов. Вместе с тем некоторые из этих проповедей оказались настолько тесно вросшими в корпус святоотеческого гомилетического наследия, что безусловно сделались его органичной и неотъемлемой частью. Именно поэтому ряд из них публикуется и в этой книге.

Что касается подлинных творений древних святых отцов, посвященных обоим праздникам, то здесь следует прежде всего указать:

гомилии на воскресение Лазаря преподобного Ефрема Сирина (произнесена в середине IV столетия), святителя Амфилохия Иконийского (последняя четверть IV столетия), святителя Иоанна Златоуста (около 390 года), святителя Петра Хрисолога (вторая четверть V столетия), преподобного Исихия Иерусалимского (первая половина V века), святителя Андрея Критского (первая половина VIII столетия), святителя Климента Охридского (конец IX – начало X века);

гомилии на Вход Господень в Иерусалим святителя Иоанна Златоуста (в корпусе его Толкований на Евангелия от Матфея – 390 год и от Иоанна – 391 год), святителя Прокла Константинопольского (вторая четверть V столетия), святителя Софрония, патриарха Иерусалимского (30-е годы VII века), святителя Фотия, патриарха Константинопольского (70-80-е годы IX века), святителя Григория Паламы (50-е годы XIV столетия), святителя Климента Охридского (конец IX – начало X века), святителя Кирилла Туровского (вторая

половина XII века).

Некоторые из перечисленных здесь проповедей публикуются в этой книге.

Многочисленные значимые слова на оба праздника принадлежат и святым отцам нового и новейшего времени. Для публикации в этом томе выбраны проповеди святителей Феофана Затворника, Игнатия (Брянчанинова), Луки (Войно-Ясенецкого).

Конечно же, далеко не все из важнейших святоотеческих проповедей, посвященных событиям воскрешения Лазаря и Входа Господня в Иерусалим, переведены. Но вместе с тем русский читатель сегодня может достаточно полно познакомиться со святоотеческим гомилетическим наследием, касающимся двух этих тесно взаимосвязанных друг с другом церковных торжеств.

В каждой из святоотеческих проповедей, посвященных воскрешению Лазаря и Входу Господню в Иерусалим, оба события рассматриваются как бы с различных углов зрения. Их значение раскрывается перед нами то в плане богословском, то с точки зрения нравственно-аскетической. Святые отцы в своих гомилиях то призывают нас к радости и торжеству, то настраивают на покаяние, исправление грехов и духовных ошибок. Такое многообразие подходов к событийному ряду и внутреннему содержанию обоих праздников позволит читателю этой книги многосторонне и всякий раз по-новому избегая однообразных мыслей и повторов, двигать-

ся от одной святоотеческой проповеди к другой и при этом находить для себя нечто новое, по-хорошему неожиданное, духовно и нравственно вдохновляющее.

И пусть многие из этих гомилий покажутся несколько архаичными, как бы вышедшими из глубины веков и потому очень непростыми для восприятия. Этим не нужно смущаться. Ведь Истина, которая в них сокрыта, всегда предельно актуальна, современна, едина и единственна.

Что же это за непреходящая Истина? Здесь, наверное, было бы уместно припомнить весьма точную формулировку, которую некогда предложил – в качестве подсказки при ответе на этот вопрос – архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Он напоминает нам известный евангельский эпизод суда над Господом и приводит слова римского прокуратора Пилата, которые тот с сомнением и недоумением произнес от лица умирающего, уходящего в прошлое древнего язычества, на смену которому властно приближалась новая и непреходящая эпоха христианской Церкви. «*Что есть истина?*» (Ин. 18: 38) – спросил Пилат у стоящей перед ним Истины». Очень точно! Ведь Истина, о которой столь скептически высказывается Пилат, ставя под сомнение самую возможность ее существования, стоит перед ним. Тем самым евангельская Истина – это даже не учение Господа, не благая весть о Нем, но Он Сам – Христос. Истина и есть Тот, Который сказал о Себе: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6)... Именно она, эта Истина, которая есть Сам Христос,

и сокрыта в непреходящем и никогда не устаревающем Священном Предании Церкви: в том числе и в святоотеческих проповедях на праздники воскресения Лазаря и Входа Господня в Иерусалим...

Победа Христа над адом и чудо воскрешения Лазаря: взаимосвязь событий

На протяжении нашей продолжительной подготовки к встрече Пасхи, длящейся все долгие дни Великого поста и Страстной седмицы, пожалуй, именно в праздник воскрешения Лазаря особенно ясно ощущается, что Воскресение Христово уже на пороге. Ведь победа Господа над адом, откуда исшел оживший Лазарь, является как бы «первой ласточкой» той близящейся триумфальной и окончательной победы Христа над сатаной, когда уже Он Сам восстанет от смерти, даруя спасение всему человеческому роду.

Тогда запоры врат, ведущих в мрачное царство смерти, разрушатся, свет Христова присутствия проникнет в самые темные и неприступные адские глубины, слова Господней истины и надежды прозвучат под мрачными сводами и властная сила Божественной благодати выведет отсюда души всех уповавших на скорый приход своего Спасителя.

По убеждению древних святых отцов, победа Христа над адом была предопределена таинственным Божественным Небесным Советом, совершившимся в недрах Пресвятой Троицы. Здесь Отец, Сын и Святой Дух согласно изрекли Свою единую волю о спасении человеческого рода и о

скором поражении жестокого и враждебного ада, несправедливо удерживающего в своих недрах не только грешников, но и праведников: ветхозаветных пророков и святых, благочестиво проживших на земле верующих Ветхого Завета, безвинных младенцев. Итак, победа над адом приуготовляется – в преддверии Воплощения Христова – Богом Троицей. И она должна осуществиться посредством Крестной Жертвы Сына Божия, через Его сошествие во ад и поражение Им самого дьявола. Святитель Петр Хрисолог в одном из своих «Трех слов о Лазаре, воскрешенном из мертвых» рисует перед нами удивительную и возвышенную картину этого Небесного Совета. Он даже приводит как бы монолог Сына Божия, обращенный в недрах Пресвятой Троицы к Богу Отцу. Слово изъявляет готовность умереть за нас ради спасения человеческого рода, ради победы над адом, несправедливо властвующим над всеми людьми – не только над грешниками, но и над праведниками. Этот монолог Бога Слова видится святителю Петру так. «Сын, пребывающий в недре Отчем» говорит: «Отче, справедливо, если темница, находящаяся во аде, содержит не невиновных, но виновных, если мучение томит не праведников, но неправедных. Но до каких же пор за преступление одного человека, за грех одного Адама, этот поглотитель плоти и мучитель [ад] не прекратит, жестоко нападая, влечь к себе патриархов, пророков, мучеников, исповедников, дев, вдовиц, мужей и жен, проживших в чистоте супружества, людей любого возраста и обоих полов, и даже младенцев, не

знающих добра и зла? Отче, пусть умру Я, дабы все не умирали. Я [Сам] отдам долг Адама, чтобы через Меня пожили в Тебе те, которые умерли ко аду через посредство Адама. Отче, по слову Твоему, Я пролью Мою Кровь, чтобы Твое творение возвратилось к Тебе. Пусть угодная Тебе цена Моей Крови сделается искуплением за всех умерших».

Сошествие Христа во ад – осуществленное намерение Сына спасти из глубин преисподней всех праведников – имело свою долгую и таинственную предысторию, некие «подготовительные этапы», которые и заложили основание победы. Одним из таких важнейших этапов святым отцам видится воскрешение Лазаря. Древние церковные писатели вспоминают о ветхозаветной эпохе, когда власть ада над умершими была поколеблена пророками, воскрешавшими умерших. Преподобный Исихий Иерусалимский приводит в своей проповеди на четверодневного Лазаря горестные жалобы самого ада: «Видно, исчез жезл моей тирании над людьми. Обветшала моя тюрьма смерти. Илия удалился, отняв моего мертвеца, чтобы доставить радость женщине (см. 3 Цар. 17: 23). После Илии, когда пришел Елисей, два раза устраивал он у меня кражу мертвецов (см. 4 Цар. 4: 35; 13: 21)».

А затем уже и Сам Господь Иисус Христос, полагая начало новому – евангельскому – этапу в деле победы над адом, также воскрешает мертвецов: сына Наинской вдовы (см. Лк. 7: 11–16), дочь Иаира (Мк. 5: 22–23, 35–43; Лк. 8: 41–42, 49–56), еще более расшатывая прежнюю власть и силу пре-

исподней.

Эти чудеса, конечно же, удивительны, однако, по убеждению древних церковных писателей, они все же уступают величию чуда воскрешения Лазаря. По мысли святителя Петра Хрисолога, воскрешения сына Наинской вдовы и дочери Иаира совершались Господом, когда смерть лишь начинала вступать в свои права над умершими: в них еще не действовало тление, не начиналось разложение тел. Но с Лазарем было не так: он пролежал во гробе четыре дня, и тление полностью его охватило. Тем самым воскрешение Лазаря, по выражению святителя Петра, есть подлинное «знамение знамений, сила сил, чудо чудес». К моменту своего воскрешения Лазарь целиком находился во власти смерти и ада. Именно поэтому в проповеди преподобного Исихия Иерусалимского сам ад очень горько жалуется на воскрешение Лазаря так: «теперь же Этот [Христос], более жестокий, пришедший на помощь мертвым, выступил против меня войною, призывая как живых уже сгнивших мертвецов, и отныне нависла надо мной угроза более не властвовать даже над гниющими трупами, ибо украден у меня мертвец, которого я подверг тлению. Торжествует надо мной четверодневное тело, которое в погребальных одеяниях устраивает хоровод вместе с живущими. Отныне попран я, когда вместе с погребальными пеленами убегает от меня умерший. Кто теперь будет бояться меня, побежденного гниющим мертвецом и ставшего как бы неким охранником сданных на хранение покойников?»

Вместе с тем все эти три совершенные Господом воскресения как бы взаимно друг друга дополняют. Преподобный Ефрем Сирийский обращает внимание на то, что трое воскресенных принадлежали трем различным возрастам: отроковица, юноша и мужчина. Поэтому они символически значат собой различные «возрасты», все эпохи, этапы существования человеческого рода: «древних», «средних» и «последних» людей, от Адама и до конца времен. И вот теперь для них, живших на земле во все эпохи ее существования, уготовляется – силой победы Господа над смертью – единая судьба: по образу тех отроковицы, юноши и мужа воскреснуть в день Страшного суда для вечной жизни.

Воскресения, которые совершал Господь Иисус Христос, должны были не только подготовить Его собственную победу над адом, но и даровать залог всеобщего будущего воскресения. Именно ради этого, по словам преподобного Ефрема Сирина, «Сын, воскрешающий мертвых, посылается Всевышним немногими примерами проповедать человеческому роду воскресение». И конечно же, наиболее яркий пример и прообраз такого грядущего всеобщего воскресения – Лазарь. Именно он, чье тело начало уже гнить и разлагаться во время четырехдневного пребывания во гробе, будучи воскрешен Христом, стал живым свидетельством: Господь в силах оживить тела, подвергшиеся любой степени тления, в том числе и тех, кто, издревле пребывая во гробах, чают будущего воскресения. Так, по словам преподобного Ефрема, посред-

ством Лазаря Христос «в одном мертвце дал всему миру прообразование [всеобщего] воскресения; и в области мертвых водрузил знамение жизни. Сперва попустил тлению коснуться умершего, и только потом приходит воздвигнуть его, чтобы смердение его уверило всех в его смерти, а возвращение к жизни – в общем воскресении». Преподобный же Исихий подчеркивает, что в своем воскресении Лазарь сделался «уверением» того, что Господь в конце времен окажется способен – подобно некоему горшечнику, лепящему сосуда из глины, – вновь с легкостью вылепить из праха земного наши тела и их оживотворить. Интересно, что используемое преподобным Исихием слово «уверение» перекликается с текстом нашего богослужебного тропаря праздников Лазаревой субботы и Входа Господня в Иерусалим. Здесь также говорится о том, что Спаситель подает нам – посредством совершенного Им воскрешения Лазаря – надежное «уверение» в нашем будущем всеобщем воскресении: «Общее воскресение прежде Твояе страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.